

А. Голубева

Рассказы о Серёже Кострикове

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

А. ГОЛУБЕВА

Рассказы о Серёже Кострикове

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1984

В книге «Рассказы о Серёже Кострикове» ленинградская писательница Антонина Георгиевна Голубева с большой любовью и теплотой рассказывает о детстве и юности выдающегося деятеля Коммунистической партии, пламенного трибуна-большевика — Сергея Мироновича Кирова.

Советские школьники старших классов хорошо знают повесть А. Голубевой, вышедшую в 1936 году, о детских годах Сергея Мироновича Кирова — Серёжи Кострикова — «Мальчик из Уржума».

О юности Сергея Мироновича, стойкого борца за дело коммунизма, вы прочтёте в книге писательницы Голубевой «Заря взойдёт».

Рисунки народного художника СССР
Ю. М. НЕПРИНЦЕВА

Оформление
Б. ЗАЙОНЧИКА

Г $\frac{4803010102-189}{М101(03)-84}$ Без объявл.

Семья

Семья Костриковых жила в маленьком домике, похожем на деревенскую избу. Семья была небольшая: отец, мать и трое ребят — Анюта, Лиза и Серёжа.

Анюта была старшая, ей было восемь лет, маленькой Лизе — пять, а Серёжа был средний, ему было семь лет.

Жили Костриковы бедно. Отец постоянной работы не имел. В городке Уржуме заводов и фабрик не было; кругом только густые сосновые леса и болота. Напрасно отец ходил по городу искать работу. Если работа и случалась, то грошовая: кому кухонный стол сделать, кому сапоги починить, кому на старую бочку обручи набить. Не раз отец возвращался под вечер домой усталый и грустный.

Однажды пришёл он, сел на табуретку и задумался. Обвёл глазами комнату с потемневшими от старости стенами. В углу деревянная скрипучая кровать, — того и гляди развалится. На стене ходики висят. Старые, почти не видно цифр. Окна покосились. Пол кривой. Ребята босые...

— Видно, придётся идти искать работы в другие края!

На следующее утро отец стал собираться. Взял с собой мешок, палку, каравай чёрного хлеба на дорогу. Обнял жену, ребятишек и пошёл.

— Может, заработаю на лесопильном заводе в Вятке немного деньжонок!.. Ждите меня — месяца через три вернусь!

Остались они одни. Не было дня, чтобы мать не спрашивала старика-почтальона:

— А нам писем нет?

— Пишут, — отвечал почтальон и проходил мимо костриковского дома.

Прошло три месяца. Отец не возвращался и не слал писем.

Тогда мать побежала к знакомому писарю написать письмо мужу. Сама она ни читать, ни писать не умела.

Писарь написал. Письмо отправили в Вятку, но ответа от отца не получили.

— Что же это там с ним стряслось? — беспокоилась и горевала мать.

Напрасно чуть не каждый день Серёжа с сестрёнками выбегал к воротам смотреть, не идёт ли отец.

Прошло лето. Прошла дождливая осень. Начались первые зимние заморозки, но отец так и не вернулся.

— Верно, заболел да в больнице помер или, может, на лесопилке в машину попал. Как теперь жить будем? Не стало у нас работника, — говорила мать и плакала.

Анюте было жалко отца, и она тоже плакала. Маленькая Лиза приставала с расспросами:

— Мам, чего плачешь? Голова болит?

— Ой ты, маленькая моя дурочка, — гладила её по голове мать.

Серёжа молча поглядывал на мать и вздыхал.

Раз, за обедом, когда мать, не дохлебав постных щей, положила ложку на стол и заплакала, Серёжа слез с табуретки и подошёл к ней.

— Не плачь, мам, — сказал он тихо. — Я на работу пойду.

Мать крепко прижала к себе Серёжу и ничего не ответила.

Работать пошла она сама. Пошла стирать к богатым людям, мыть у них полы, убирать к праздникам.

Здоровье у матери было слабое, она частенько прихварывала. От тяжёлой работы ей стало ещё хуже.

Как-то раз в холодный ветреный день мать простудилась на реке. Она полоскала бельё богатой купчихи Шамовой. Белья было много — три большие плетёные корзины. Мать полоскала бельё на холодном ветру до позднего вечера и очень прозябла.

Она еле-еле пришла домой.

Маленькая Лиза и Серёжа уже спали, Анюта ждала мать и тоже дремала.

— Плохо мне что-то, — сказала мать и, не раздеваясь, прилегла на лавку.

— Что с тобой, мам? — нагнулась над матерью Анюта.

Мать в ответ только застонала. Анюта взяла мать за руку. Рука была горячая, как кипяток.

Анюта очень испугалась и побежала к бабушке.

Бабушка жила в няньках на главной, Воскресенской, улице у чиновника Перевозчикова.

Анюта долго не решалась войти в красивый белый каменный дом. На окнах висели кружевные занавеси. В одном окне горел розовый свет, в другом — голубой.

В раскрытую калитку Анюта видела, как во дворе на цепи бегала большая лохматая собака. Она громко лаяла и бросалась на Анюту. Анюта не знала, что ей делать. На лай собаки вышел дворник.

— Тебе, девочка, что надо?

— Бабушку, — сказала Анюта и заплакала.

Дворник провёл её к бабушке.

— Бабушка, пойдём к нам! Мама заболела, — сказала Анюта.

— Не плачь, пойдём! — ответила бабушка и вытерла слёзы на лице Анюты.

Бабушка надела большую тёплую шаль и пошла вместе с внучкой. Обратно к своему хозяину Перевозчикову она уже не вернулась. Бабушка осталась ухаживать за больной и присматривать за ребятами.

Ребята, чем могли, стали помогать ей: Анюта бегала в лавку, Серёжа лучинки и щепочки для самовара во дворе собирал. Только маленькая Лиза всем мешала — то у бабушки вертелась под ногами, то принималась скакать и прыгать по комнате.

— Не шуми, Лизутка, мама больная, — говорила бабушка.

Но Лиза была маленькая и не понимала. Она залезала к больной матери на постель и просила мать рассказать ей сказку.

— Жил-был на свете распрекрасный Иван-царевич... — начинала шёпотом мать. Громко говорить ей было трудно.

«Может, и поправится», — думала бабушка.

Но мать не поправилась.

С каждым днём ей становилось всё хуже и хуже, и через два месяца она умерла.

Похоронили мать на старом уржумском кладбище, в дальнем конце у деревянной ограды.

— Пока я жива, вас, сирот, не брошу! — сказала бабушка, когда они после похорон матери вернулись домой.

И бабушка стала жить с ребятами.

Ворота и баранка

На одной и той же улице, а по-разному люди живут. У главного приказчика из шамовской лавки мальчишки даже в будни в сатиновых рубашках ходят, а в воскресенье мать надевает им голубые шёлковые. Каждый день эти мальчишки вкусное едят — то мятный пряник-рыбку, то конфетину в розовой бумажке, перевитую золотой ниточкой, а то у ворот дома камнем грецкие орехи колют, и не простые орехи, а посеребрённые, которые на ёлку вешают.

А игрушки какие у них! Конь большой, деревянный, с бархатным красным седлом. Тележка с железными колёсами...

Серёжа Костриков на той же Полстоваловской улице живёт, а вот нет у него ни голубой шёлковой рубашки, ни мятной рыбки, ни серого в яблоках коня.

Есть у него игрушки! Мячик, сшитый из тряпочек, который не прыгает, и деревянные чурбачки — их знакомый плотник принёс Серёже. В эти игрушки они играли с товарищем Санькой, который живёт с ним в одном доме. А теперь Санька заважничал и играть не хочет. У Саньки есть то, чего нет у Серёжи: у Саньки есть букварь...

Ему девять лет, и он уже ходит в школу с полотняной сумкой через плечо. Санька гордится своим букварём и тем, что он ученик.

Выйдет во двор, сядет у сарая на брёвна, раскроет букварь и начнёт: «Маша варила кашу. Мама любит Машу».

Во весь голос читает Саня, чтобы и на улице все слышали и знали, какой он большой грамотей.

Серёжа садится на брёвна поближе к товарищу. Заглядывает через руку в букварь и шевелит губами — тоже как будто читает. Очень ему обидно, что у него нет такого букваря, как у Саньки.

— Сань, научи, — просит Серёжа.

— Мал ещё. Тебе только семь годов, — отвечает Санька и опять снова своё: — «Маша варила кашу. Мама любит Машу».

— Дай букварик подержать, а? — скажет Серёжа.

Санька даст букварь, а сам усмехается: всё равно ничего не поймёшь, раз азбуки не знаешь.

Серёжа листает букварь, картинки и буквы разглядывает.

Разные буквы в книжке. Вот большие, чёрные, толстые, а вон буквы высокие и тонкие — ровно палки, а сверху точки, а вон буковки маленькие, с закорючками, с хвостиками.

— Сань, какая это? — спрашивает Серёжа.

— Которая? — нагибается над букварём Саня.

— Вот эта, на ворота похожая.

— Тоже сказал! На ворота! — смеётся Саня. — Это «пы».

— «Пы», — повторяет Серёжа. — А вот эта? — И он указывает пальцем на вторую букву.

— Это «о»!

Серёжа недоверчиво косится на товарища, — может, нарочно говорит!

— «О»? Ровно баранка!

— Буква «о» всегда круглая, — важно отвечает Саня.

— Гляди-ка, Сань, а это полбаранки!

— Это не полбаранки, а «сы». Ну хватит! Научился! А то учёней меня будешь, — говорит Санька и отбирает у Серёжи букварь.

Серёжа исподлобья смотрит на Саню.

Тоже, товарищ называется, — показал три буковки и больше не хочет! Наверно, букваря ему жалко... Что он — съест его, что ли, или запачкает? Он руки хорошенько о рубашку вытер, когда букварь взял.

Серёжа бежит к бабушке:

— Бабушка, купи мне букварь!

Бабушка молча стирает бельё в корыте.

— Бабушка, купи! Я читать буду, как Санька, — дёргает Серёжа бабушку за фартук.

— Где нам книжки покупать — на хлеб не хватает, — говорит бабушка и так сильно встряхивает мокрым полотенцем, что на Серёжу летят мыльные брызги.

Но Серёжа не отстаёт.

— Бабушка, купи, я уже три буквы знаю, — просит он и вдруг, схватив с шестка уголь, пишет на печке большую кривую букву, похожую на ворота.

— Вот! Это «пы»! — говорит он гордо.

— Ах ты разбойник, ты что же это печку пачкаешь? — кричит бабушка и дёргает Серёжу за ухо.

Серёжа вырывается от бабушки и выскакивает во двор. Здесь ему места хватит! Пиши, сколько тебе захочется, и бабушка ругать не будет.

Он трёт ухо, потом бежит к сараю и берёт старую метлу. Перевернув её, он старательно выписывает на земле две кривые огромные буквы: «О», круглое, как баранка, и «П», похожее на ворота.

Есть нечего

Серёжина бабушка была очень старая: ей было восемьдесят два года. Она уже плохо видела, а когда подметала пол, то не раз потирала поясницу.

— Трудно мне нагибаться стало! Ой, трудно! — вздыхала бабушка.

— Давай подмету, — говорил Серёжа и брал у бабушки веник. Он так старался, так размахивал веником, что бабушка начинала ворчать:

— Экую пылищу поднял! Отдай веник Анюте, пусть она подметёт!

Сестра брала веник и подметала осторожно и чисто, не оставляя мусора под столом и табуретками.

Анюта не только пол мести умела, но и щи сварить могла и бельё постирать.

С ней бабушка отпускала Серёжу даже на речку.

Серёжа очень любил ходить с сестрой на Уржумку. Анюта тащила корзинку с бельём, а он шёл рядом и держался за край корзины. На реке Анюта пробиралась по камешкам туда, где вода была чище, глубже, а Серёжа оставался на берегу. Он собирал ракушки, строил из песка запруду и посматривал на сестру.

— Не потони, Нютка! — кричал он сердито, когда сестра слишком низко наклонялась над водой.

Иной раз Серёжа глядит-глядит, не выдержит и отправится по камешкам к Анюте.

— Ты зачем здесь? — обернётся сестра.

— Я буду тебя за юбку держать, чтобы не потонула!

И, стоя на соседнем камне, Серёжа крепко держит сестру за подол до тех пор, пока она не выполощет бельё.

Анюта сердится и грозит пожаловаться бабушке. Но когда они возвращались с реки, Анюта ничего не говорила бабушке — она жалела её. И так у бабушки забот много: ребят обшить и обмыть надо, за водой на речку сходить, козу Шимку подоить. С самого утра начинались у бабушки хлопоты и беспокойства. Утром, когда она ставила на стол чугунок с горячей картошкой, лицо у неё было строгое и грустное. Картошка и та была считанная. А о хлебе нечего было и говорить.

Чёрный хлеб бабушка делила на маленькие кусочки. Каждому кусочек с пол-ладошки, три раза в день по одному кусочку.

— Чёрного хлеба и того нет вдосталь. А ведь недолог мой век — помру. Что с вами тогда будет? — горевала бабушка. Она и соседке, Санькиной матери, не раз говорила об этом.

— Отдала бы ты ребят в приют, — советовала соседка. — Пусть твой хозяин Перевозчиков за них похлопочет. Ведь ты у него десять лет прожила. Всех детей его вынянчила.

Но бабушка всё откладывала.

«Может, как-нибудь перебьёмся, — думала она. — Неужели отдавать родных внуков в приют! Приют он приют и есть! Не лучше тюрьмы. Ходи на цыпочках, начальства бойся — наказывают в приюте. Правда, кормят досыта, да что из того! Дома хоть впроголодь, да всё своё!»

Но как ни тянула, как ни откладывала бабушка, а идти ей к чиновнику Перевозчикову всё-таки пришлось.

Как-то утром стала она козу доить. Старая была коза Шимка. Вся надежда на неё была, но не дала коза ни капельки молока. Картошки полчугунка осталось. И хлеба купить не на что — хоть бы грош медный был в доме!

Вернулась из сарая бабушка в дом. Ребята уже встали.

— Баб, дай хлеба! — закричала маленькая Лиза и стала цепляться за бабушкину юбку.

«До чего дошли — есть нечего», — подумала бабушка и стала молча одеваться.

— Ты куда, бабушка? В лавку? — закричала Лиза.

— В лавку, — ответила бабушка, а сама пошла к своему старому хозяину просить за внуков.

Долго ждали ребята в тот день бабушку. Вернулась она только под вечер. Бросился к ней Серёжа.

— Чего, бабушка, купила?

— Ничего не купила, — сказала бабушка и стала снимать головной платок.

Она пошла в сени, принесла оттуда холодную картошку и разделила по три картофелины на человека. Тут тебе обед, тут и ужин!

Не сказала бабушка в этот вечер ни слова ребятам о приюте. Чего их раньше времени расстраивать! Вот будет ответ, тогда другой разговор.

Несколько раз ходила бабушка за ответом.

А ребята словно чуяли беду. Соберутся у калитки и поджидают бабушку.

Всегда бабушка возвращалась от хозяина хмурая, молчаливая, а в последний раз пришла довольная.

— Ну, ребятишки, теперь полегче жить будет. — Бабушка села на лавку, а ребята стали вокруг. — Не прокормить мне вас троих, одного приходится в приют отдать.

— Кого отдать в приют? — спрашивает Анюта.

— Серёженьку.

Серёжа, как услышал, затрясся весь и заплакал:

— Не хочу в приют! Не пойду! Всех отдавай!

— Не берут всех, — сказала бабушка. — Анюта великовата, Лизутка маловата, а вот твои года подходящие.

— Бабушка, милая, не отдавай в приют, — опять заплакал Серёжа.

И сама бабушка чуть не заплакала: жалко ей Серёжу, а делать нечего.

Пришлось ему идти в приют.

В приюте

Бабушка привела Серёжу в приют. Их встретила приютская начальница. Высокая, худая, в очках на чёрном шнурочке. Синяя юбка у начальницы шуршит, как бумага.

— Ты послушный мальчик? — спросила начальница.

— Послушный, послушный, — закивала бабушка.

— Новенький пришёл, новенький пришёл! — фыркнул кто-то сзади.

Серёжа оглянулся.

Маленькая бритоголовая девочка в сером платье просунула голову в дверь, а над ней ещё чья-то голова торчит. Тоже бритая, с круглыми чёрными глазами.

Не поймёшь — не то девчонка, не то мальчишка.

— Иди с ними во двор играть, — сказала начальница.

Серёжа пошёл во двор. Здесь его обступили приютские.

— Ты откуда такой головастый? — спросил его бритый мальчишка с чёрными глазами.

— А ты губастый! — обиделся Серёжа.

Он никогда не ссорился с мальчишками на улице. А здесь не успел прийти и сцепился.

— Я губастый? — закричал приютский. — Я тебе покажу губастого! — Он надул свои толстые губы и бросился на Серёжу.

— Юлия Константиновна, Васька дерётся! — зашумели приютские.

Начальница появилась на крыльце.

— Иди сюда! — строго сказала она Ваське и поправила на очках шнурочек.

«Ни за что здесь не останусь», — подумал Серёжа и побежал к калитке. Он распахнул её и выскочил на улицу.

— Юлия Константиновна, Юлия Константиновна, новенький убежал!

Приютские бросились ловить Серёжу. Они схватили его и с криком потащили обратно во двор.

Серёжа вырывался изо всех сил, но ребят было много. Калитка захлопнулась. Один из приютских запер её на щеколду.

— Пустите меня — всё равно убегу! Пустите, ну!

— Не убежишь!.. Ты теперь приютский, — сказал Васька.

— Я не приютский, я свой. Меня домой бабушка заберёт, — ответил Серёжа.

— Как же, жди! — захохотал Васька.

Серёжа всё время стоял неподалёку от ворот и не спускал глаз с калитки.

Вот сейчас откроется калитка, войдёт бабушка и скажет: «Пойдём, Серёженька, домой!»

Но бабушка не шла.

Наступил вечер. Приютских повели ужинать. А Серёжа так и не дождался бабушки.

«Сегодня, наверно, стирка у ней, а вот завтра утром

придёт», — утешал себя Серёжа. Но и утром бабушка не пришла, не пришла она и на третий, и на четвёртый день!

Понемногу он стал привыкать к приюту. К одному только никак не мог привыкнуть: к тому, что ребята жили недружно, ссорились из-за каждого пустяка. То и дело во дворе и в доме раздавались голоса:

— Юлия Константиновна, он дерётся!

— Юлия Константиновна, он без спросу книжку взял!

— Юлия Константиновна!.. — И так с утра до вечера.

На восьмой день жизни в приюте с Серёжей за обедом случилось происшествие.

Приютские ели из глиняных чашек — пять человек из одной чашки. В этот день на обед были постные щи со снетками и пшённая каша. Серёжа был дежурный. Когда щи съели, он пошёл за кашей. Кухарка Дарья наложила ему полную чашку. Он взял чашку обеими руками и осторожно понёс.

Ребята ждали его и от нетерпения стучали по столу деревянными ложками. Серёжа был уже близко, как вдруг сбоку вывернулся рыжий Пашка и толкнул его. Чашка выпала из рук Серёжи и разбилась, каша рассыпалась по полу.

Ребята выскочили из-за стола и окружили Серёжу. Они бранили его:

— Растяпа! Не мог каши принести!

На крик прибежала Юлия Константиновна.

— Что случилось? Почему такой шум?

— Новенький чашку разбил, — сказал кто-то из приютских.

— Какой медведь! — рассердилась Юлия Константиновна. — Это вы мне так все чашки переколете! Станешь после обеда на колени! Впредь будешь аккуратней.

После обеда, когда все ребята разошлись, Серёжа стал на колени посреди столовой. К нему подошёл губастый Васька.

— Чего ж ты Юлии Константиновне не сказал, что тебя Пашка толкнул? Ему бы попало!

— Он ненарочно! Держал бы я чашку крепче — не разбил бы!

— Ну и стой за него! — захохотал Васька и выбежал из комнаты.

Минут через десять в столовую боком вошёл смущённый Пашка и, ни слова не говоря, стал на колени рядом с Серёжей.

— Ты чего? — спросил Серёжа. — Юлия Константиновна наказала?

— Нет, я сам... Я хочу с тобой стоять, — ответил Пашка.

Лёшка и Васька

Приют, в который попал Серёжа, назывался «Дом призрения малолетних сирот».

В приюте своей школы не было, и приютские учились вместе с городскими ребятами в приходской школе на Воскресенской улице. В одном классе с Серёжей учился городской мальчишка Лёшка, сын главного приказчика купца Шамова.

Лёшка называл себя атаманом, а своих двух приятелей — разбойниками.

Озорной Лёшка со своими «разбойниками» никому не давали проходу в школе. Особенно они досаждали приютским. В переменки «атаман и разбойники» подставляли приютским ножки, щипали и дёргали их за уши. Когда приютские шли по улице, Лёшка корчил гримасы и кричал во всё горло:

— Приютская вошь, куда ползёшь?!

— Лови-держи! — кричали «разбойники» и хватали приютских.

Плохо было тому, кто ноги не унёс! Изобьют «разбойники» приютского, в снегу выкатают да ещё сумку с книгами в чужой двор забросят.

Однажды после уроков «атаман с разбойниками» напали на Серёжу и двух приютских. Приютские сразу бросились наутёк. Серёжа остался один посреди улицы. Лёшка подскочил к нему и сбил с него шапку.

— Дай ему, дай! — закричали «разбойники» и стали подбрасывать Серёжину шапку ногами. Серёжа шапку у них не отнимал. Он стоял на месте, наклонив большую,

коротко остриженную голову, и тяжело дышал. Лёшка развернулся и ударил его кулаком в грудь. Серёжа шагнул назад, потом вперёд; коленки у него подогнулись.

— Прощения просит! — заорали «разбойники».

Но в эту минуту Серёжа с размаху ударил Лёшку головой в живот.

— Ай! — закричал Лёшка и хлопнулся на спину. Серёжа, не дав ему опомниться, навалился на него всем телом.

Лёшка задёргался, начал вырываться, но Серёжа держал его крепко.

— Пусти! — завопил Лёшка на всю улицу и стал пинаться ногами.

— А будешь драться?

— Пусти!

— А будешь?..

— Пу-сти-и-и! Слышишь, пу-сти!

Лёшка завертел головой, ища глазами своих «разбойников». А «разбойники» стояли у забора, разинув от удивления рты.

— Говори — будешь? Будешь? — не отставал Серёжа.

— Не буду, — наконец ответил Лёшка.

— Смотри у меня, — сказал Серёжа и поднялся с земли. Он не торопясь стряхнул снег с пальто и валенок и оглянулся по сторонам.

С другого конца улицы бежали приютские. Они всё видели из-за угла. Один из них поднял Серёжину шапку, смахнул с неё снег и подал Серёже. Они взяли Серёжу под руки и отправились в приют.

А Лёшка стоял у забора и ругался со своими «разбойниками».

— Чего же вы смотрели, когда он на меня накинулся? — кричал Лёшка и сжимал кулаки.

— Мы думали, ты один справишься. Он маленький.

— Маленький, да удаленький, — буркнул Лёшка.

Весь вечер в приюте только и было разговоров что о Серёже.

— А Костриков ему как даст!.. Как даст!.. — захлёбываясь, рассказывали приютские.

— Теперь мы им покажем! — смеялись и радовались они.

Только Васька Новогодов хмурился. До прихода этого Кострикова его, Ваську, все приютские считали самым сильным и самым смелым мальчишкой. А теперь?

Что ж, он на втором месте должен быть?

Нет! Никогда и ни в чём Васька этому новенькому не уступит!

Но уступить Ваське пришлось. На другой день, в воскресенье, приютские пошли играть в снежки и кататься с горки.

Гора у приютских была плохая, невысокая и во дворе. Только разъедешься, тут тебе и стоп — прямо в забор упрёшься.

Была настоящая гора, сразу за забором, на реке, высокая, ледяная, только кататься с неё было нельзя. Эту гору облюбовал себе Васька и никого на неё не пускал.

— Это моя, Васькина, гора! — кричал он и размахивал кулаками.

Ребята знали, что с Васькой лучше не связываться. Он не только поколотит, но и укусить может. Раз он куснул за ухо приютского Пашку, когда тот в столовой по ошибке взял его ложку.

Нет, уж лучше Ваську не трогать! И приютские катались со своей горы.

Так было и в это воскресенье.

Васька катался с высокого обледенелого берега с гиканьем и свистом. Трое приютских стояли в сторонке.

Эх, хоть бы разок прокатиться с Васькиной горы! Вот так же, как он, сесть на рогожку, ноги в стороны — и вниз, до самой середины Уржумки!

Вдруг к горе подошёл Серёжа.

Васька только что скатился с горы и топтался внизу, стряхивая с себя снег.

Серёжа с минутку постоял на горе и вдруг не спеша начал расстилать свою рогожу. Санок у приютских не было.

— Не езди: от Васьки попадёт! — закричали хором ребята. Но Серёжа не слушал их, он уже вихрем летел с обледенелого берега. Только снежное облако взметалось за ним вслед.

— Поехал, поехал! — визжала и прыгала приютская Зинка.

Что было на реке у Серёжи с Васькой, так никто и не узнал, только с реки Васька прибежал сердитый и зарёванный. Под мышкой у него торчала свёрнутая в трубку рогожа. На бегу он оборачивался и грозил кому-то кулаком. Он вбежал во двор и принялся изо всех сил колотить ногами в старую сельдяную бочку. Потом бросил рогожку на землю и заревел во всё горло.

А на другой день на Васькину гору вместе с Серёжей пришли приютские мальчишки.

— Ух, и покатаемся теперь! — смеялся Пашка.

Мальчишки уселись на рогожки и один за другим помчались вниз.

— Глаза крепче жмурь — снег бьёт! — кричал Серёжа.

Под вечер на гору пришёл и Васька Новогодов с рогожкой.

— Вась, иди с нами кататься, — позвал Серёжа.

— Ну тебя! — буркнул Васька и стал носком валенка ковырять снег.

Но скоро Ваське показалось обидным и скучным стоять так и глядеть, как катаются другие.

Он разостлал на горе свою рогожку и нахлобучил на уши шапку.

— Васька едет! — закричал он и понёсся вниз...

Упрямая задачка

Серёжа учился в четырёхклассном Уржумском городском училище. Учился он очень хорошо. Другие хорошие ученики часто задирали носы, сторонились слабых учеников и хвастались: «Я не какой-нибудь, я первый!» Серёжа не был хвастунишкой. Он не дожидался, пока его будут просить: «Костриков, миленький, объясни вот это!» Часто сам первый подходил и спрашивал товарища: «Что голову повесил? Чего скис?» — И объяснял, что было непонятно.

— Теперь понял? — спрашивал Серёжа.

— Немножко понял, — отвечал товарищ.

— Тогда давай ещё раз!

Два, три раза объяснит Серёжа.

— Понял, понял! — кричал, наконец, ученик и уже сам, без Серёжи, решал задачку.

Ребята удивлялись и завидовали Серёже.

— Вот счастливый! — говорили они. — У тебя всё сразу выходит!

Но это было не совсем так: и у Серёжи порой не сразу всё получалось.

Однажды стал он решать задачку. Задачка была про купца. Купец продавал свой товар. Было у него в лавке пятнадцать аршин ситца, десять аршин сатина, пять — батиста. Пришли к нему покупатели. Первому он продал пять аршин ситца, пять аршин сатина и один аршин батиста. Второму — три аршина ситца, три аршина сатина и один аршин батиста. Третьему — два аршина ситца и два аршина сатина. Сколько всего материи осталось в лавке купца? — спрашивалось в задачке.

«Лёгкая задачка», — подумал Серёжа и начал считать.

— Пятнадцать да десять, да пять будет тридцать аршин. Это столько у купца товара. Пять да пять...

— Брось, Костриков, не выйдет. Потом решим! — закричали приютские и побежали на улицу играть в салки.

— Выйдет! Пять да пять, да один — будет одиннадцать. Это он продал первому.

Три да три, да один будет семь — это второму; да ещё третьему продавал батист, сатин и ситец. Всего двадцать три аршина продал купец. Значит, осталось у него семь аршин.

Поглядел Серёжа в книжке ответ, а там восемь аршин.

— Вот те фунт! Куда же ещё аршин девался?

И снова начал считать:

— Три да три, да один...

— Серёжка, иди к нам! — зовёт со двора Пашка.

— Ну тебя!.. Три да три, да один... А интересно, догонит Васька Новогодов Пашку? Ишь, как мчатся, только пятки сверкают. Ну, куда же это аршин девался?

Опять начал считать Серёжа. Считал-считал — всё семь аршин у него получается. А по ответу — восемь.

Рассердился Серёжа на задачку, стукнул по тетрадке кулаком:

— Всё равно тебя решу!

«А не сосчитать ли, сколько купец продал всего сатина, сколько батиста и сколько ситца?

Ну-ка, начнём снова. Первому он продал пять аршин сатина, второму — три аршина, третьему — два. Значит, всего купец продал десять аршин сатина.

А батиста он сколько продал? Первому один аршин, второму тоже один, третьему...

Ой, да ведь третьему-то он батист и не продавал!»

Ну и чучело-мучело, как же это я прозевал! — засмеялся Серёжа.

Вот всё-таки нашёл аршин.

Серёжа переписал заново задачку и чётко вывел ответ: «Восемь аршин».

«Теперь правильно!»

Он сунул тетрадку и книжку в сумку, обдёрнул рубашку и помчался во двор к ребятам.

Сделал дело — гуляй смело!

Жилец на сундучке

Хорошо учился Серёжа в Уржумском училище. Так хорошо, что учителя уговорили уржумских купцов послать мальчика учиться дальше.

И Серёжа поехал в Казань.

Казанское промышленное училище было в одном конце города, а Серёжа жил в другом. Пока до училища доберёшься, язык высунешь!

Занятия начинались в училище ровно в восемь часов утра. Серёжа вставал, когда ещё в доме все спали. Жил он у одной барыни в полутёмном углу и спал на сундучке. Сундучок был короткий, и спать на нём можно было только свернувшись калачиком.

Серёжа вставал в шесть часов утра и шёл босиком умываться на кухню. Сапог он не надевал, чтобы никого не разбудить. Они были тяжёлые и грубые. Когда Серёжа ходил, сапоги стучали на всю квартиру. И кухарка Матрёна шутила:

— Ты, парень, ходишь, ровно кованый конь!

Когда утром Серёжа уходил в училище, а за окном шумел дождь и завывал ветер, кухарка жалела его и говорила:

— А ты, учёный, уж и в поход собрался... Хоть бы чаю стакан выпил — у меня самовар мигом поспеет!

Но Сергею некогда было чаи распивать: он торопился

в училище и не любил прибегать в последнюю минуту, к самому звонку.

Очень нравилось Серёже рисовать, чертить, решать задачи, разыскивать на карте города, реки с их притоками.

И вечерами хотелось ему поскорее засесть за уроки, но приходилось ждать, пока кухарка освободит стол: вымоет и уберёт посуду.

Здесь на щербатом кухонном столе он чертил свои чертежи.

Старая Матрёна, как нарочно, убирала медленно. Еле-еле копошилась. Серёжа не выдерживал, схватывал ножи и вилки и начинал их чистить. Так чистил — только локти мелькали. Кухарка даже пугалась:

— Ой, парень, черенки не поломай! Добро господское.

Потом Серёжа мыл хорошенько стол, чтобы не посадить сальное пятно на тетрадку, прикалывал к столу кнопками лист бумаги, брал циркуль и начинал чертить.

Каждый вечер являлась барыня. Кухарка Матрёна звала её: «Язва». Барыня заглядывала в шкаф, в духовку и даже под кровать.

— Чугун у тебя плохо вымыт, в духовке крошки остались, под кроватью пыль, — отчитывала барыня Матрёну.

На самом деле всё было в порядке. Просто барыня придиралась и любила ворчать. Отчитает кухарку, за Серёжу примется.

— Не устрой пожара. Почему лампа так сильно горит?

И так привернёт маленькую керосиновую лампочку, что Серёже нельзя чертить.

— Помни и будь благодарен! Я тебя из милости держу! Купцы мне гроши за угол платят, — отчитывает барыня Серёжу.

Серёжа слушает и молчит.

Что́ он может сделать, если уржумские богатые купцы так мало платят! Когда они отправляли его из Уржума в Казань, то не хуже барыни попрекали:

— Мы люди добрые, мы тебя за свой счёт учить будем. Деньги за тебя надо платить. За ученье. За квартиру. За одежду. За обед. Ты должен стараться.

Серёжа и без их наставлений учится хорошо. Любит он ученье.

Через четыре месяца в училище дали похвальный лист. На листе золотыми буквами было напечатано: «Ученику Сергею Кострикову за отличные успехи и примерное поведение». Серёжа сразу об этом написал купцам. Пусть зря не попрекают. Но ответа на письмо не получил.

Дней через шесть, после урока, подошёл к нему школьный надзиратель и сказал:

— Костриков, тебя инспектор зовёт.

Серёжа пошёл к инспектору.

— Если ты до двенадцатого числа не уплатишь деньги за учение, мы тебя исключим.

— Но ведь за меня платят уржумские купцы, — ответил Серёжа.

— Хотят — платят, хотят — нет, — сказал инспектор. — Вот письмо прислали: отказались от тебя купцы.

Серёжа вышел из кабинета, постоял-постоял в коридоре и тихонько побрёл к себе в класс. Из училища Серёжа шёл домой грустный и задумчивый.

Как же так, почему отказались? Учится он хорошо.

А дома уже ждала другая беда. Вечером, как всегда, стал он заниматься. Не успел сесть за стол — раскрылась дверь и вошла барыня. Он думал, что барыня, как всегда, начнёт отчитывать Матрёну, а потом его, а барыня подошла к столу и сказала:

— Гаси лампу, нечего керосин жечь.

— Мне уроки нужно готовить, — говорит Серёжа.

— А мне какое дело! — ответила барыня. Потушила лампу и ушла.

Сидит Серёжа на кухне — темно, тихо, только слышно, как в темноте из умывальника капает в таз вода.

«Наверное, уж барыня легла спать, — думает Серёжа. — Зажгу-ка лампу и буду делать чертёж».

Серёжа зажёг лампу и только взял карандаш и линейку в руки, как дверь раскрылась настежь и в кухню влетела барыня.

— Ищи себе другую квартиру — я не могу тебя без денег держать. Купцы прислали письмо. Отказались за тебя платить.

Барыня так кричала, так размахивала руками, что чуть-чуть не смахнула лампу со стола.

Покричала-покричала барыня, затушила лампу и пошла спать.

Серёжа подпёр голову руками и так в темноте просидел целый час. «Как же буду теперь жить? — думал Серёжа. — Из квартиры выгоняют; из училища выгоняют;

сапоги, как назло, развалились, обедать завтра не на что, и урок не сделан. Чертёж завтра сделаю до начала уроков», — решил Серёжа.

Всю ночь Серёжа не спал. Какой тут сон! Только стало рассветать, схватил он чертёжную доску, бумагу, книжки — и бегом в училище.

Бежит Серёжа по городу, в лицо дует холодный ветер, в рваный сапог попала вода. Прибежал к училищу. Сунулся в калитку — калитка заперта. Никак не попасть.

— Ах, так! — сказал Серёжа и перелез через ограду. Идёт по двору, видит — кухонная дверь приоткрыта, около двери стоит старичок-сторож и чистит веничком свой мундир.

Серёжа выждал минутку, когда тот отвернулся, и прошмыгнул в училище. На цыпочках пробежал по тёмному коридору в свой класс, снял мокрую шинель, пододвинул поближе к окну парту, положил на неё чертёжную доску и начал чертить.

Неудобно Серёже. В классе темно, доска скользит по парте. Но Серёжа чертит. Нужно сделать урок.

И урок он всё-таки сделал.

На улице стало уже совсем светло.

Серёже очень захотелось спать; он всю ночь не спал. Положил Серёжа голову на парту и задремал.

— Ты чего такую рань в училище забрался? — сказал кто-то над ним и стал его дёргать за куртку.

Серёжа раскрыл глаза. Перед ним стояли его одноклассники — Митя Асеев и Вася Яковлев.

— Барыня меня выгоняет из квартиры, — сказал Серёжа, — и из училища инспектор грозит выгнать.

— Не горюй, мы с Васькой тебя выручим. Переезжай к нам. У нас комнатушка маленькая, но как-нибудь потеснимся. На полу будем спать.

— И с платой за учение что-нибудь придумаем. Ты хороший ученик: на казённый счёт учить будут, — сказал Вася.

Серёжа сразу повеселел.

— Спасибо, ребята!

Хорошо жить на свете, когда есть настоящие товарищи, которые из беды выручат.

Карцер

Серёже очень хотелось прочитать книжку Горького «Перед лицом жизни». Эта книга была революционная, и достать её было очень трудно.

Вдруг как-то знакомый студент, Фёдор Иванович, тихонько говорит Серёже:

— А я достал, что ты просил!

— Достали? А где же она?

— Приходи сегодня вечером в театр и получишь.

— В театр? — удивился Серёжа.

— Да. Туда эту книжку принесёт один товарищ.

И Фёдор Иванович вытащил из кармана своей тужурки три театральные контрамарки и дал их Серёже.

— Можешь товарищей пригласить. Только о книжке им ни гугу.

— Как рыба молчать буду, — ответил Серёжа и побежал звать товарищей — Митю и Васю — в театр.

— Ура! В театр идём! — закричал Митя и подбросил вверх свою фуражку.

— А как же мы пойдём? У нас разрешения нет, — вдруг сказал Вася.

Тут и Серёжа сразу вспомнил, что в театр ходить без разрешения инспектора ученикам нельзя. Он на радостях совсем позабыл об этом.

— Если нас начальство увидит в театре, то посадят в карцер, — загрустил Вася.

— У меня двойка — всё равно не пустят, — заволновался Митя.

— Да пойдём так... Не увидят: театр большой, — сказал Вася.

Серёжа ничего не сказал, а сам подумал: «За такую книжку и в карцере посидеть можно».

Вечером товарищи отправились в театр.

У театрального подъезда горели огромные фонари. Взад и вперёд прохаживались городовые.

Серёжа с товарищами только было хотел пройти в театр, как вдруг кто-то схватил его за рукав. Товарищи обернулись и чуть не присели.

Макарка!

— Вы как сюда попали? Разрешение есть? — спросил школьный надзиратель Макаров.

— Нас сам инспектор за хорошее поведение отпустил, — соврал Асеев. Он не дал опомниться надзирателю и вместе с Серёжей и Васей вошёл в подъезд. Большой зал театра был украшен ёлками и разноцветными флажками. Играл военный оркестр. В театре было очень много народа, и больше всего — студентов. Не успели товарищи как следует оглядеться, как в дверях зала появился инспектор Широков и с ним Макаров. Товарищи бросились в коридор. Но не тут-то было! Макаров загородил дорогу и сказал сердито:

— Господин инспектор не думал давать вам разрешения; сию минуту отправляйтесь домой.

Серёжа и два его товарища молча пошли в раздевалку.

— Останемся, ребята, — сказал Серёжа.

Он очень хотел получить книжку от студента.

— Останемся! Останемся! — закивал головой Митя.

— Ой, домой бы лучше идти! Как бы плохо не было! — вздохнул Вася.

— Иди, тебя никто не держит, — ответил Митя и так взглянул на Васю, что тот замолчал.

Тогда все трое спрятались за вешалку. Постояли минут десять, а потом снова поднялись наверх.

Наверху уже начался концерт. Из зала доносились звуки рояля и скрипки.

По окончании номера, когда сзади захлопали и закричали «браво, браво, бис», — товарищи вошли в полутёмный зал и уселись на свободные места.

На сцену вышел высокий певец с сердитым лицом и запел: «Вдоль по улице метелица метёт».

Видно, ему было трудно петь: он приподнимался на цыпочки и так покраснел, что Митя фыркнул: «Словно из бани вышел».

Но Серёже было не до певца.

Он вертелся во все стороны и силился разглядеть в полутёмном зале Фёдора Ивановича.

— Чего тебе не сидится? Мешаешь смотреть, — заворчал Митя.

«Что ему ответить — Фёдора Ивановича ищу? Митька сразу расспрашивать начнёт: «А зачем он тебе? Почему? Для чего?» — И Серёжа промолчал.

Наступил антракт. В фойе снова грянул оркестр. Серёжа вскочил с места.

— Ты куда? — испугался Вася.

— В фойе.

— На Макарова опять налетим.

— Верно. Не сто́ит ходить, Серёжа, — сказал Митя. — А то увидят и отправят домой. Концерта не досмотрим.

«Знал бы, что так мешать будут, ни за что бы не пригласил», — подумал Серёжа и вдруг рванулся в сторону.

«Да куда же ты?» — чуть не крикнул Митя. Но Серёжа и сам остановился. Студент, который стоял к нему спиной и сзади походил на Фёдора Ивановича, обернулся, Серёжа увидел незнакомого длинноносого человека в очках.

Ошибся!

Серёжа вздохнул и сел на стул. Неужели он сегодня не получит долгожданную книжку? Неужели не получит?

Концерт окончился. Серёжа так и не увидел студента. Он сидел грустный и недовольный. Зато Митя сиял и потирал руки.

— Вот как всё хорошо вышло: и музыку послушали, и пение, и Макарку провели!

Но радовался Митя слишком рано. Когда занавес опустили, публика пошла вниз одеваться, отправились и товарищи. У колонны стоял и смотрел на них разгневанный Макаров. Товарищи прошли мимо, не заметив школьного надзирателя. Они оделись и вместе с толпой двинулись к выходу.

«Сбегаю сейчас же к Фёдору Ивановичу на квартиру», — решил Серёжа и приотстал шага на три от товарищей. Митя с Васей шли и спорили на всю улицу о том, какой певец спел лучше.

— А где Серёжа? — спохватился Митя.

Обернулись товарищи, а Серёжи и след простыл!

— Где же он? Сейчас вот только здесь был — и вдруг нету, — заволновался Митя.

— Пойдём скорей. Он уже, наверно, дома, — сказал Вася.

А Серёжа в это время бежал по Грузинской улице к студенту.

И книжку в этот вечер он всё-таки получил.

Наутро, как всегда, Серёжа и его товарищи пошли в училище, а там уж Макаров их поджидает:

— Явились, голубчики! А ну-ка, отправляйтесь все трое в карцер!

Он посадил их в карцер — маленькую полутёмную комнатушку — и запер на ключ.

— Будете теперь знать, как в театр ходить, — сказал Макаров.

В карцере товарищи должны были просидеть ни много ни мало — двенадцать часов подряд: с восьми утра до восьми вечера.

Они решили не скучать. Сперва барабанили ногами в дверь, выбивая дробь, потом боролись, потом пробовали даже играть в чехарду, а под конец стали петь песни.

Первым запел Серёжа.

Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно...
Днём и ночью часовые
Стерегут моё окно, —

подхватили Вася и Митя.

— Чего ты такой весёлый? — удивился Митя.

— А так!

Серёжа пел, а сам думал:

«А книжка всё-таки у меня! Под матрацем спрятана. Завтра воскресенье. Уйду на целый день на Волгу. Заберусь в тихий уголок, где народу мало, и буду читать. От корки до корки прочту».

В восемь часов их выпустили.

— Выходите, арестованные! — приказал Макаров.

Митя был очень доволен, что Макаров назвал их арестованными.

— Мы, как настоящие революционеры, в тюрьме сидели, — сказал он.

Серёжа улыбнулся, а сам подумал:

«За такую книжку не только двенадцать — все двадцать часов можно в карцере отсидеть».

Листовки

Летом Серёжа приехал на каникулы к бабушке. Бабушка от радости расплакалась.

— Внучек, Серёженька! Да ты совсем большой стал!

И верно: Серёжа за этот год сильно вытянулся и сделался шире в плечах.

— Мне ведь, бабушка, шестнадцать лет. Скоро усы вырастут, — пошутил Серёжа.

— У твоего приятеля Саньки уже выросли.

— Как он живёт?

— Ничего. Во какой стал. Каланча! — засмеялась бабушка.

— Это я-то каланча? — вдруг спросил сам Санька, заглядывая с улицы в окно.

— Саня, здравствуй! — закричал Серёжа.

— Здравствуй, Серьга, — ответил Саня и вошёл в дом.

— Ну, теперь разговоров хватит на целую неделю, — сказала бабушка и пошла на кухню.

Товарищи уселись у раскрытого окошка, и тут у них началось:

— Как ты — в Казани?

— А как ты — в Уржуме?

— А какие у вас учителя?

И вдруг Саня на полуслове высунулся в окошко и замахал руками:

— Здравствуйте, Павел Иванович! Купаться ходили?

— Да. Вода сегодня замечательная, — ответил чей-то голос.

Серёжа выглянул в окно. Он увидел на улице незнакомого молодого человека с длинными волосами и маленькой острой бородкой. Через плечо у него висело мокрое полотенце.

— Познакомьтесь. Вот мой товарищ, Серёжа Костриков. Он из Казани на каникулы приехал, — сказал Саня.

— А я в Казанском университете два года проучился, — улыбнулся Павел Иванович.

— Он ссыльный. Революционер, — шепнул Саня Серёже.

— А вы, молодой человек, как на дрожжах растёте, — пошутил Павел Иванович над Саней и пригласил Саню и Серёжу приходить к нему в гости. — Я живу на этой же улице, в жёлтом доме под горой.

— Хороший он человек, сердечный, — похвалила бабушка студента. — Он не раз мне воды с колодца приносил.

— Его сюда на пять лет выслали, — сказал Саня.

— Ох, много народа за правду страдает! — вздохнула бабушка. — И в тюрьмах, и в ссылке.

Серёжа задумался. Он сам однажды видел, как гнали в ссылку революционеров.

Арестованные шли посередине уржумской улицы, а по бокам ехали верхом стражники с шашками наголо.

Серёжа давно уже хотел познакомиться со ссыльными. И вот, наконец, познакомился с настоящим политическим; и тот их даже в гости позвал.

— Сань, пойдём к студенту завтра, — сказал Серёжа Сане.

И на следующий день вечером они пошли в жёлтый домик под горой.

— А, пришли гости — глодать кости, — встретил их, улыбаясь, в сенях незнакомый ссыльный, пожилой и высокий человек. — А ну, проходите, ребята, к столу!

Серёжа и Саня прошли в комнату. Ссыльные пили чай. Павел Иванович познакомил товарищей с остальными. В домике жили девять человек. Серёжа и Саня узнали, что были здесь молодые и старые, были студенты и рабочие, что фамилия высокого пожилого ссыльного, который их встретил, Зоткин, что он рабочий, слесарь Путиловского завода.

В первый вечер Серёжа и Саня просидели и проговорили у ссыльных целый час. Через два дня они снова пошли в домик под горой. Теперь их приглашал не только Павел Иванович, но и слесарь Зоткин, и все остальные.

— Вижу я, что ребята вы хорошие и, по-моему, умеете молчать, — сказал недели через три слесарь Зоткин.

«Умеем!» — хотел крикнуть Серёжа, но постеснялся.

— В этом деле, друзья, осторожность нужна. Нам коекакая помощь требуется.

— А что нужно сделать? — спросил Серёжа; от волнения у него даже руки задрожали.

— Листовки!

И слесарь Зоткин начал рассказывать и объяснять товарищам, как нужно печатать листовки. Работы было немало: нужно глицерина с желатином в аптеке купить. Аптека в городе одна. Покупать сразу нельзя; нужно в аптеку ходить по очереди, чтобы не удивился лысый и толстый аптекарь: зачем это ребятам столько пузырьков с глицерином?

Потом из глицерина надо вроде мази состав сварить. А потом напечатать листовки...

— Ну, всё поняли? — спросил Зоткин.

— Всё!

Дней восемь ходили Серёжа с Саней за глицерином в аптеку. Потом сварили состав — вроде мази.

И вот ночью, когда все домашние спали, Серёжа и Саня отправились в старую баню.

Здесь они завесили ватным одеялом банное окошко, зажгли фонарь и принялись печатать листовки. В листовках было сказано, почему бедным живётся плохо, а богатым хорошо, и кто виноват в том. Внизу, в самом конце листовок, большими буквами было написано: «Долой царя! Да здравствует революция!»

Если бы городовые поймали Серёжу и Саню с такими листовками, они сразу бы посадили их в тюрьму.

Серёжа и Саня печатали, а сами слушали, не идёт ли кто. Серёжа два раза выбегал смотреть на улицу. На улице тихо, темно... Только в траве кузнечики трещат да в конце улицы собака лает.

Они работали до самого утра, а когда взошло солнце, заиграл пастух и погнал коров в поле, Серёжа побежал к ссыльным.

— У нас всё готово, — сказал он Зоткину. — Триста листовок вышло!

— Молодцы, ребята, — похвалил слесарь. — Теперь вам остаётся последнее и самое опасное дело: сегодня ночью нужно разбросать эти листовки по городу, на базаре и на Малмыжском тракте. Смотрите, не попадите в лапы городовым. Будьте осторожны.

— Будем! — ответил Серёжа.

Наступила ночь. Серёжа и Саня стали собираться. Они торопливо рассовывали листовки по карманам, запихивали

за пазуху. Рубашки у них оттопырились, карманы раздулись.

— Сначала пойдём на базар, потом на Малмыжский тракт, — сказал Серёжа.

Они погасили фонарь и вышли из бани во двор. Потом осторожно, на цыпочках прошли по двору и вышли на улицу.

Город спал.

Они быстро и молча шагали по тихому, сонному городу и скоро добрались до базара.

— Начинай, — шёпотом сказал Серёжа.

Пригнувшись, они побежали к пустым деревянным прилавкам, на которых крестьяне расставляли свой товар — крынки с молоком. Молча и быстро Серёжа и Саня разбрасывали по прилавкам листовки. Со всех сторон слышались хруст и пофыркивание. Это жевали сено распряжённые лошади. На возах и под возами спали крестьяне, приехавшие к базарному дню. Иногда сонные люди шевелились, поднимались. Серёжа и Саня тотчас же прятались за прилавками; когда всё стихало, они снова принимались за работу. Скоро все прилавки были покрыты белыми листовками.

— Ну, готово, — шепнул Серёжа. — Теперь бежим на Малмыжский тракт.

И они побежали. До тракта было не так-то близко, а с работой надо было кончить до утра. У одного из домов с высоким забором и резной железной калиткой Серёжа остановился, вытащил из кармана несколько листовок и бросил их с размаху через высокий забор в сад. Саня испугался, схватил его за руку. В этом доме жил самый большой уржумский начальник — исправник Пенешкевич.

— Бежим! — Серёжа толкнул Саню в бок, и они понеслись во всю прыть. Когда улица осталась позади, Серёжа сказал шёпотом: — Пускай знает, что революционеры и ночью не спят!

За городским садом ребята сняли сапоги и перешли Уржумку вброд. На той стороне реки сразу же начинался Малмыжский тракт. По обеим его сторонам темнел лес. Едва Серёжа и Саня добрались до него, как неожиданно где-то позади раздался короткий пронзительный свист. Казалось, свистели совсем близко. Серёжа и Саня опрометью бросились в лес. В нём можно было укрыться от

погони. За первым свистком раздался второй, и наконец всё смолкло.

— Стой! — остановил Саню Серёжа. — Куда разогнался? Нужно листовки разбросать.

— Верно! — сказал Саня, переводя дух.

Они пошли по дороге и оставляли листовки то здесь, то там. У придорожных кустов, в канавах и у дороги.

Через полчаса все до одной листовки были разбросаны.

— Знаешь, Саня, пойдём-ка обратно другой дорогой, — надумал Серёжа, — свисток был полицейский. Может, нас городовые караулят у брода.

Дорога шла через болото. Ребята часто проваливались в холодную воду. Ветки ёлок хлестали их по лицу. Саня очень рассердился и ворчал.

— Ничего, придём домой — обсохнем, — подбодрял Серёжа товарища.

Начинало светать. Мокрые, усталые, но довольные, приятели вернулись домой. Они отлично выполнили поручение ссыльных революционеров.

— А теперь завалимся спать — я здóрово устал, — сказал, зевая, Саня. Но спать ему не пришлось. С базара вернулась перепуганная бабушка. Чёрный головной платок её съехал на сторону. Бабушка запыхалась.

— В городе-то что делается! Шум, крики! Городовые по базару бегают, какие-то бумажки ищут. Сегодня ночью, говорят, ссыльные по городу бумажки разбросали. А в бумажках всякие слова против царя написаны. Даже у исправника в саду бумажки нашли. Вот ведь какие бесы бесстрашные — всю ночь бумажки раскидывали.

Серёжа с Саней переглянулись и захохотали.

— Чего смешного? — рассердилась бабушка. — За такие бумажки людей в Сибирь гоняют, а вам смешно.

Бабушке и в голову не пришло, что «бесстрашные бесы» были Санька и её внук Серёжа.

*

Осенью Серёжа уехал обратно в Казань — учиться и через два года окончил промышленное училище. Он отлично сдал все экзамены, получил диплом и снова приехал к бабушке в Уржум.

— Батюшки мои! — заахала бабушка. — Техник-механик стал! И фуражка со значком, и усы выросли!

— Теперь Серёжа к нам насовсем приехал! — хвалилась соседям сестрёнка Лиза.

Но Серёжа прожил дома недолго.

В августе его уже провожали в Томск.

Бабушка напекла Серёже на дорогу пирогов и налила бутылку топлёного молока. А сестрёнка Лиза сунула ему в карман голубой платочек.

— Это я сама тебе на память вышила.

— Спасибо, Лизутка! — сказал Серёжа.

Вместе с сестрёнкой Лизой и бабушкой Серёжу провожал и Саня Самарцев.

Когда пароход отошёл от пристани, Саня долго ещё махал фуражкой и кричал:

— Пиши, Серьга! Пи-ши!

Серёжа приехал в Томск

Ещё с тех пор, когда Серёжа вместе с Саней печатали в бане листовки и разбрасывали их ночью по городу, Серёжа мечтал стать настоящим революционером...

Желание его наконец исполнилось. В Томске он вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию.

Работа революционеров в царское время была очень опасная и трудная. Полиция и жандармы преследовали их, арестовывали и сажали в тюрьмы.

Серёжа об этом хорошо знал, но он был решительный и смелый юноша. Настоящий большевик! Не боясь полиции, он аккуратно и точно выполнял все секретные поручения, которые давал ему революционный комитет.

— На Кострикова можно положиться, — стали вскоре говорить о нём революционеры.

— Паренёк он умный, смекалистый и предан нашему рабочему делу, — хвалил Серёжу старый большевик-наборщик Кузьмин.

И однажды эта Серёжина смекалка помогла революционерам в их работе.

*

В Томске во всех домах окна в первом этаже закрывались на ночь ставнями.

Ставни эти были как ставни: большие, деревянные, на две створки, но запирались они в Томске по-особому. И это-то и пригодилось в революционной работе.

Серёжа тоже жил в доме со ставнями. Как-то раз в дождливый осенний вечер он возвращался с работы. А работал он в городской управе чертёжником.

Около ворот своего дома Серёжа увидел соседского мальчика, которого звали тоже Серёжей. Мальчик переступал с ноги на ногу и всхлипывал.

— Ты что, тёзка, плачешь? — спросил Серёжа. — Обидел кто?

— Федька Гаврилов из нашего класса. Он на Почтамтской живёт.

Всхлипывая и торопясь, мальчик рассказал, как после уроков он играл с Федькой в пёрышки.

— Вот уж не ожидал! Как же это так? Учишься на пятёрки и вдруг в пёрышки играешь!

— Я больше, дядя Серёжа, не буду, — пообещал тёзка.

— Ну, смотри, приятель. Слово дал — держи. Ну, рассказывай дальше, что́ с тобою случилось. Федька у тебя пёрышки, что ль, отнял?

— Нет, они у вас!

— У меня? — удивился Серёжа Костриков.

— Да, у вас в комнате. Тётя Поля стала на ночь ставни закрывать, и мой пенальчик с пёрышками к вам в комнату протолкнула. Я от Федьки свой пенальчик в стенную дырку сунул. Федька догонял меня, отнять пёрышки хотел.

— Ну, приятель, тогда пойдём ко мне домой.

Когда они вошли в комнату и Серёжа зажёг настольную лампу, мальчик с радостным криком бросился к окну и поднял с пола красненький футлярчик из-под градусника.

— Я в нём пёрышки храню. Градусник разбили, а мама мне пенальчик дала, — пояснил он. — Все тут! — Он высыпал пёрышки на ладонь, сосчитал их и выбежал из комнаты.

Серёжа подошёл к тому окну, под которым его тёзка только что поднял красненький футлярчик.

Лицо у Серёжи было серьёзное, а глаза лукаво прищурены. Он о чём-то думал.

— А ведь это здорово получится! — сказал вдруг Серёжа и засмеялся.

*

Событие с пенальчиком было в четверг.

На другой вечер Серёжа должен был встретиться в условленном месте, за Лагерным садом, со старым наборщиком Кузьминым и двумя товарищами. Подпольный революционный комитет поручил в ночь с субботы на воскресенье разбросать по городу листовки.

Прибежав с работы, Серёжа наскоро выпил стакан молока с чёрным хлебом. Он очень торопился.

Уходя из дому, Серёжа сказал своей квартирной хозяйке, что пошёл в библиотеку, а ночевать сегодня будет у знакомого студента.

Он вышел на улицу.

Уже смеркалось. Накрапывал дождик, дул холодный ветер. Поёживаясь от холода и дождя, шли редкие прохожие. Они торопились домой.

«И что ему так весело?» — думали некоторые из них, с недоумением оглядываясь на незнакомого широкоплечего юношу, который, не замечая дождя, весело и легко, как первоклассник, перепрыгивал через лужи. «Не иначе как на свидание торопится!» — усмехнулся старик с большим парусиновым зонтиком и портфелем под мышкой.

Пока Серёжа добрался до назначенного места, он изрядно промок и озяб. Уже совсем стемнело, когда он остановился у столетнего кедровника с густыми, мохнатыми ветками. Под этим кедровником можно было укрыться от дождя и ветра, как в хорошем шалаше.

Серёжа пришёл первым. С добрых полчаса прождал он, пока один за другим явились остальные.

— Ну вот, теперь все в сборе, — сказал старик Кузьмин. — Как до места, товарищи, добрались? Никто не следил?

— Да нет, всё хорошо обошлось, — ответил маленький худощавый паренёк, смазчик из паровозного депо.

— Ну, нечего терять время попусту! — сказал Кузьмин, усаживаясь на торчащих из земли толстых корнях кедровника.

Остальные сели около него полукругом.

— Так вот, товарищи, в эту субботу мы должны разбросать по городу листовки. Наш район будет от Почтамтской до набережной реки Томи, а остальные трое, которых выделил революционный комитет, разбросают листовки в Заисточье и на Воскресенской горе. Эх, только бы погода была хорошая, а то выдастся вроде сегодняшней — половина листовок от дождя пропадёт.

— Это верно!.. — согласился смазчик из паровозного депо. — Листовки-то приходится оставлять где только можно. Бывает, и за водосточную трубу заткнёшь, и за дверную ручку засунешь, а иной раз просто на землю положишь да камушком придавишь, чтобы ветер не унёс.

— Да, ветер листовкам тоже не на пользу. А уж от дождя да снега совсем погибель!

— А что сделаешь? Домой листовки, как заказное письмо, доставлять не станешь.

— А по-моему, можно с доставкой на дом, — сказал Сергей.

— Да что ты, мил человек! — покачал головой Кузьмин. — Тебя с первой же листовкой схватят да в тюрьму и отправят. На кого нарвёшься, неизвестно. А в листовках, сам знаешь, такие слова написаны, что не всем по носу.

— Слова в листовках правильные! Долой царя и капиталистов! — сказал до сих пор молчавший высокий и уже немолодой кочегар.

— А всё-таки с доставкой на дом можно, — медленно, но настойчиво повторил Сергей.

Вытащив из кармана лист бумаги величиной с листовку, он сложил её в несколько раз, а затем сложенную вчетверо бумажку скатал в трубочку. Получился как бы бумажный пальчик.

Все революционеры смотрели, что́ же будет дальше.

— Как только наступят сумерки, мы возьмём листовочки, скатанные таким образом, положим их в карманы и выйдем на улицу... А на улице... — и Серёжа, невольно улыбаясь, замолчал.

— Ну, а на улице что? — нетерпеливо спросил наборщик.

— Вы сами знаете, как в Томске устроены ставни. Около каждого окна имеется небольшое сквозное отверстие в стене. Вечером, когда ставни закрываются, в это стенное отверстие вставляется железный длинный болт.

Серёжа прищёлкнул пальцами, не найдя сразу нужное сравнение.

— Ну вот, как, скажем, нитка в иголку.

— Сами томичи, знаем, как ставни у нас запираются! — уже сердито сказал Кузьмин, не понимая, в чём дело. — Дальше-то что?

— А дальше и рассказывать нечего! Мы положим листовки в эти стенные отверстия, и, когда совсем стемнеет, жители закроют ставни у себя в домах и болтами протолкнут наши листовочки к себе в квартиры.

— Скажи, пожалуйста, да как же ты этакое придумал? Я сам коренной томич, пятьдесят восемь лет на свете живу, а такое мне и в голову не приходило.

— А верно, здорово выдумал! — засмеялся кочегар.

— На эту мысль меня приятель натолкнул. Случай у него с пенальчиком интересный был.

— А кто он сам-то, приятель твой? Студент или инженер какой?

Тут уже засмеялся Серёжа:

— Не угадали! Ученик первого класса. Круглый пятёрочник. Мой тёзка!

И Сергей подробно рассказал своим товарищам о том,

как его тёзка, убегая от Федьки Гаврилова, спрятал пенальчик с пёрышками в стенное отверстие окна.

— Ну а затем тётя Паша, моя квартирная хозяйка, стала закрывать на ночь ставни и протолкнула пенальчик ко мне в комнату, — закончил свой рассказ Серёжа.

— Ну что же, товарищ Костриков, доложу о твоём новом способе революционному комитету. Думаю, получат мои земляки листовки «с доставкой на дом», — сказал старик Кузьмин.

«С доставкой на дом»

И действительно, в субботу некоторые жители Томска получили листовки на дом.

Удивлённо и радостно читали томские рабочие горячие призывы к борьбе и революции, написанные в листовках.

«Ну и молодцы, кто это придумал!» — хвалили революционеров в рабочем квартале.

Только один полицмейстер Петухов, начальник томской полиции, потрясая кулаками от злобы, бегал по квартире у себя на Почтамтской.

Каждую субботу полицмейстер со всей семьёй ходил в баню. Так было и в этот день. Вернувшись из бани, Петухов пошёл закрывать ставни, а жена осталась дома готовить чай. Захлопнув во всех трёх окнах сплошные тяжёлые ставни, он вернулся с улицы в дом. На пороге его встретила жена. Чепчик сбился на её голове набок. По плечам были распущены ещё мокрые после бани волосы. Она стояла, вытянув руку, сжатую в кулак. Лицо у неё было испуганное и растерянное.

— Феофан Иванович, — сказала она дрожащим голосом, — у нас в доме прокламация!..

— Что за глупость! Где прокламация?

— Вот, — сказала жена и разжала кулак.

На её ладони полицмейстер увидел свёрнутую наподобие пальчика бумажку. Он схватил её, развернул и прочёл:

«Долой самодержавие! Да здравствует революция!..» — таким грозным призывом кончалась листовка.

Полицмейстер накинулся на жену.

— Откуда листовка? — кричал он и махал перед её глазами кулаком с зажатой в нём листовкой.

— Сам протолкнул, а на меня орёшь!

— Как протолкнул? — полицмейстер так опешил, что тут же в передней сел на сундук.

— А та-ак! — сказала жена. — Пошёл ты ставни закрывать. А я стала чай готовить. Стою у буфета, варенье чёрной смородины в вазочку накладываю. Ты на одном окне ставни закрыл, потом на другом. А как стал на третьем окне закрывать, листовка на пол из стены и выпала! Ты её с улицы сам в дом протолкнул.

— Та-ак! — сообразил полицмейстер. — Значит, она в стенной дырке лежала?! Не иначе как это студенты сделали. Захотели надо мной, полицмейстером, подсмеяться!.. Молчать! Чтобы никому о листовке ни слова.

Он скомкал листовку и бросил её в горящую печь. Пламя охватило бумагу.

— Ну, вот и всё, — облегчённо вздохнул полицмейстер. — Давай чай пить!

Но не успел он выпить и стакана чаю, как кто-то изо всех сил забарабанил в запертую калитку. Старый волкодав Полкан, злобно залаяв, стал рваться с цепи.

Полицмейстер, накинув шинель, пошёл во двор.

Через минуту он вернулся с соседом. Сосед был до того расстроен, что пришёл без шапки. Пальто у него было надето внакидку.

— Сейчас прибежала моя племянница с Воскресенской горы, такое мне принесла... — Сосед зашептал и стал испуганно озираться по сторонам.

— Главное, сама, своими руками, к себе в дом протолкнула!..

Сосед пытался ещё что-то рассказывать, но полицмейстер уже всё понял. Он взял листовку, выпроводил соседа и, надев шинель, побежал докладывать о случившемся начальству.

«Не мне одному, видно, всему городу так листовки доставили!» — думал он.

Три дня томская полиция ломала голову: как ей быть? Думали, думали и, наконец, придумали.

*

Спустя три дня после того, как были по городу разбросаны листовки, Серёжа пошёл сдавать инженеру в Городскую управу готовые чертежи.

День выдался солнечный, ясный.

«Даже на осень не похоже», — подумал Сергей, свернув с Кондратьевской улицы, где он жил, на главную улицу.

На углу, возле белого трёхэтажного каменного дома, рядом с большим магазином купца Второва, Сергей увидел мальчишек, которые вертелись и прыгали около городового. Здесь же был и приятель Сергея — тёзка. Городовой занимался каким-то странным делом. Он переходил от окна к окну и перед каждым, присаживаясь на корточки, заглядывал зачем-то в стенное отверстие и даже совал в дырку толстый палец, пытаясь что-то оттуда достать.

— Дяденька, дяденька! А ты вон в той дырке посмотри! Там дохлая мышь лежит! — кричали и хохотали мальчишки.

Городовой, не приподнимаясь с корточек, повернув к ребятам бородатое, красное от натуги лицо, грозился чуть не на всю улицу:

— Я вас, чертенята! — и злобно хватался за шашку.

Мальчишки с хохотом и визгом разбегались в разные стороны.

Но стоило городовому перейти к следующему окну, как ребята снова окружали его и снова давали советы:

— Дяденька, дяденька! Гляди! А вон в той дырке паук с паучихой живёт!

Городовой снова хватался за шашку — и ребята снова убегали.

«Листовки ищет! — подумал Сергей. — Ищи ветра в поле!»

Он шёл по улице, деловито помахивая свёрнутым в рулон чертежом, а в душе у него всё ликовало и пело.

Серёжа знал, что листовки разошлись по рукам и сделали своё дело.

На углу Духовской Серёжа увидел точно такую же сцену, как и на главной, Почтамтской, улице. Только здесь городовой был чёрный, носатый и рябой. Он также заглядывал в каждую стенную дырку. В руках у него был длинный

крючок, сделанный из проволоки. Шумная ватага мальчишек сопровождала его от окна к окну.

— Ты бы, дяденька, лучше удочку взял! — кричал рыжий вихрастый парнишка.

Тут Сергей не выдержал и засмеялся.

Пока городовые искали в стенных дырках листовки, томский губернатор Азанчевский диктовал писарю телеграмму в Петербург:

«Вынужден принять самые решительные меры. Листовки доставляются на дом».

Получив в Петербурге такую телеграмму, начальство послало губернатору запрос: почему же он не арестовал революционеров?!

Губернатор долго думал, как ответить ему на эту телеграмму покороче и попонятнее. И ответил:

«Арестовать революционеров невозможно, потому что всё население проталкивает к себе листовки в дом».

В Петербурге царские чиновники так переполошились, что послали комиссию узнать: что же такое творится в Томске?

Комиссия приехала, расследовала и послала письмо с подробным объяснением, что в городе Томске в домах так запираются ставни, что кто-то из революционеров придумал доставлять листовки на дом с помощью самих же жителей.

Человек, придумавший это, был восемнадцатилетний Серёжа Костриков — он же Сергей Миронович Киров, замечательный революционер-большевик, которого знает и любит вся наша Советская страна.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Голубева Антонина Георгиевна

Рассказы
о Серёже Кострикове

Ответственный редактор Н. Л. Страшкова
Художественный редактор В П Дроздов
Технический редактор Т. С. Тихомирова.
Корректоры Л. А. Бочкарёва и Н. Н. Жукова.
ИБ 8099

Сдано в набор 29.05.84. Подписано к печати 20.09 84. Формат $70 \times 100^1/_{16}$. Бумага офсетная № 2. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,9. Усл. кр.-отт. 12,68. Уч.-изд. л. 2,71. Тираж 1 500 000 экз. (1-й завод 1—450 000). Заказ № 688. Цена 10 коп. Ленинградское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191187, Ленинград, наб Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

Голубева А. Г.

Г 62 Рассказы о Серёже Кострикове/Рис. Ю. Непринцева; Оформл. Б. Зайончика.—Переизд.—Л.: Дет. лит., 1984.—48 с., ил. (Читаем сами.)

10 коп.

Рассказы о детстве Сергея Мироновича Кирова.

Г $\frac{4803010102-189}{М101(03)-84}$ Без объявл. **Р2**

10 коп.

Серия «ЧИТАЕМ САМИ»

ДОРОГИЕ ПЕРВОКЛАССНИКИ!

Издательство «Детская литература» выпустило для вас в серии «Читаем сами» следующие книги:

Григорович Д.
ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ МАЛЬЧИК.
Повесть.

Куклин Г.
ИГРЕНЬКА.
Рассказ.

Одоевский В.
ГОРОДОК В ТАБАКЕРКЕ.
Сказка.

Воронин С.
ДЕВЯТЬ БЕЛЫХ ЛЕБЕДЕЙ.
Рассказ.

Гайдар А.
ГОРЯЧИЙ КАМЕНЬ.
Сказка и быль.

Герман Ю.
РАССКАЗЫ О ДЗЕРЖИНСКОМ.
Рассказы.